

Лев Додин: В хорошем спектакле заложен код жизни

Один из пяти тяжеловесов «Золотой маски», худрук петербургского Малого драматического театра – театра Европы Лев Додин уже показал в конкурсе своего нового Чехова – «Дядю Ваню».

Серебряков (Игорь Иванов) и Елена Андреевна (Ксения Раппопорт)

Невероятная филигранная выделка, графичность каждого жеста и сцены, определенность эмоции – черты гранд-стиля, казавшееся, уже уходящего в историю. Отчего же так страдаешь каждому додинскому герою Чехова? Нет, все же умному, нетопливному театру, то и дело по-

сверкивающему вполне современному хулиганством, найдется место в любой эпохе.

Накануне показа Лев Додин встретился с журналистами.

О Чехове

– Почему опять Чехов? В нем есть ощущение личного, близкого. Универсальная человечность. Мощь тоски по поводу нерешенных вопросов. Мало кто, как Чехов, ощущал брэнность этой жизни... «Дядя Ваня» так красиво сочинен, так пропорционально с точки зрения душевных движений! А время очень интересно расшифровывает Чехова. Если хватит смелости, поставлю еще «Три сестры».

О старых спектаклях

– Старые спектакли удается сохранять, если они не просто поставлены, а рождены – тогда в них заложен код жизни. Каждая последующая постановка влияет на предыдущую. «Братья и сестры» после «Бесов» стали друзьями. После Чехова изменились и «Братья и сестры», и «Бесы». Сейчас начали репетировать «Короля Лира» – я наблюдаю, как некоторые спектакли поворачиваются иначе. Это тема, не описанная в литературе.

Кумиры юности

– Я хорошо помню спектакли, на которых мы учились. Товстоноговский БДТ. Московский «Современник» – он стал потрясением юности. До сих пор, проезжая по площади Маяковского, я с недоумением смотрю на эту маленькую площадочку, где уместается целый мир. Мощнейший взрыв был Театр на Таганке. Я студентом оказался в Москве и чудом попал на последнее представление дипломного «Доброго человека из Сезуана» в Щукинском. Я стоял у лестницы и смотрел, как поднималась толпа очень знаменитых людей. Их встречал худой человек в сером костюме: «Здравствуйте. Я очень рад, что вы пришли...» Это был Любимов. Прошло немного времени, и я пришел на спектакль «Павшие и живые», уже в Театре на Таганке. И увидел огромного человека в джинсовой куртке, в четыре раза больше, чем был...

Об учениках-режиссерах

– По сравнению с нами в их возрасте, они чрезвычайно востребованы. Мне не все их спектакли нравятся. Если спрашивают – я говорю. Но чаще не спра-

шивают. Ощущение ученичества свойственно только человеку. Со студентами много открываешь в себе нового. Даже если они бестолковые – учишься их наивности, глупости. Потерять ощущение собственного ученичества – значит утратить художественное чувство.

О театре советском и сегодняшнем

– В СССР вечные темы античного театра, западные парафразы на него были практически табуированы. Рок, смерть – темы не для советского искусства. Недаром Немирович так и не выпустил «Гамлета». А придуманную им эстетику меха, кожи, железа в Шекспире в 60-е годы заимствовал Брук, перевернув шекспироведение.

Общественная роль сильно изнашивала театр. Изматывала художника, вынужденного искренне заниматься навязанными темами. Возвращение театра к сущностным темам – огромная роскошь, но именно это делает его социально важным. Занимаясь природой людей, театр их образует. Надо больше верить в себя и не ощущать своей увечности перед шоу-бизнесом.

**Записала
Наталья ЗИМЯНИНА**